Андреас Каливас

Демократия и политика экстраординарного

doi: 10.22394/2074-0492-2017-2-221-238

Хотя Новое время часто называют временем демократических революций, воображение политических теоретиков этой эпохи не занимал вопрос о народных основаниях политики [Palmer, 1959–1964; Lefort, 1981]. Начиная с Никколо Макиавелли и Жан-Жака Руссо первые теории демократии, связанные с историческим опытом древнегреческого полиса и вдохновленные наследием Римской республики, обходят стороной тему коллективного основания политического порядка и демократического установления основных законов. Теория демократии прежде никогда не исследовала вопрос об основании политического и правового порядка как таковой, сводя проблему к действиям неких мифических законодателей или героических основателей, вершащих свои дела, как правило, вне *демоса* [Honig, 2008, p. 15–40].

Классический либерализм делал ставку на правовую преемственность, приверженность букве закона и постепенные политические изменения. Даже либеральные концепции общественного договора (за важным исключением Джона Локка) предпочитают обращаться к вымышленному естественному состоянию и чисто умозрительной идее договора свободных и равных людей, нежели к реальным политическим переломам, законодательным инновациям и основаниям новых институциональных порядков [Локк, 1988, с. 349–356]. На самом деле к идее общественного договора прибегали в основном, чтобы объяснить политические обязанности, оправдать подчинение, описать происхождение власти из общественного соглашения и в редких случаях обосновать сопротивление, а вовсе не для того, чтобы исследовать исторические моменты подлинного перелома и трансформации.

Позже эту нишу пытался занять марксизм, уповавший на неизбежность пролетарской революции, но в силу исторического детерминизма и экономического материализма Маркс сосредоточился

Андреас Каливас — американский философ и историк политической мысли.

Перевод с английского выполнен Александрой Мороз под научной редакцией Алексея Салина по изданию: *Democracy and the Politics of the Extraordinary: Max Weber, Carl Schmitt, Hannah Arendt*, Cambridge University Press, 2008. p. 1-14.

на долгосрочных социальных и экономических мутациях, а не политических, законодательных, институциональных и культурных переменах, в которых он видел лишь эпифеноменальные следствия глубинных структурных изменений материальной основы общества[1]. Политические изменения он рассматривал через призму социальных революций и сводил их к отражению расстановки объективных экономических сил [Маркс и др., 1955; Энгельс, 1961].

Недостаточное осмысление новых народных оснований обеднило понимание демократии, легитимности и свободы в современной политике. В связи с этим данное исследование ставит себе целью показать, почему теория демократии нуждается в повторной постановке вопроса об основании и почему этот вопрос оказывается важен для переосмысления актуальных тем современной политической теории: связи легитимности и легальности, суверенитета и представительной власти, власти и закона, свободы и авторитета. В первую очередь я собираюсь переопределить вопрос о радикально новых основаниях, пользуясь категорией экстраординарного, возникающей в трудах Макса Вебера, Карла Шмитта и Ханны Арендт, и осветить ее сложное, противоречивое отношение к ординарной политике.

Конечно, экстраординарная политика ведет к радикальным трансформациям, многие из которых носят отчетливо антидемократический характер. Несомненно, концепт экстраординарного не так уж нов. В прошлом его по большей части неверно трактовали в рамках традиции якобинско-ленинистского революционного авангарда и стандартной дихотомии «революция/реформа» [Люксембург, 1959]. В этой связи нововременные революции рассматривались как экстраординарные проявления революционного сознания и его открытого разрыва с прошлым, высвобождения из-под груза традиции и полного искоренения всех форм господства и неравенства[2]. В целом такой подход к экстраординарному, похоже, потерял привлекательность и исчерпал себя, как я считаю, по двум причинам.

Во-первых, классическую модель революции преследовал призрак диктатуры и тоталитаризма и/или столь же малообещающей (с точки зрения демократии) реставрации монархии и контрреволюции [Lefort, 1981, p. 185–192]. Революции Нового времени стремились разорвать связь с прошлым ценой жестокого насилия, тотального беззакония и постоянного самоуправства. Похоже, будто революциям суждено не только идти путем диктатуры, но и поро-

1 Классическую формулировку см. в [Маркс и др., 1959, с. 5–9].

2 О новизне и творчестве в теории революции см. [Joas, 1996, p. 105–116].

ждать новые формы господства, «застревающие» в исключительной ситуации [Ackerman, 1992, p. 5]. Из этого следует вполне привычное смешение понятий экстраординарного и исключительного, то есть понятий основания и чрезвычайного положения. Сегодня революции считают еще и провалом попыток учредить стабильный правовой и политический порядок, приводящим к старому положению вещей [Коэн и др., 2003, с. 638; Habermas, 1996, p. 467–472]. С другой стороны, революции часто соотносили с апокалиптическим мифом об абсолютной свободе, прогрессивной и милленаристской философией истории и утопией тотальной эмансипации, в которой построенное на новых политических основаниях общество смогло бы достичь справедливости и без двух требований Давида Юма: без стабильных правовых рамок и без системы прав в разрешении споров и конфликтов [Laclau, 1996, p. 2–19][1]. Политика экстраординарного в традиционном виде содержала намек на возможность элиминации всей политики и эсхатологическое создание прозрачного и рационального общества, существующего в мире и гармонии с самим собой [Unger, 1987, p. 163–164]. Если в первом случае экстраординарные революционные трансформации превращались в незаконную антидемократическую борьбу элит за власть, исход которой решала действительная сила борющихся сторон, то во втором из революции делали идеалистический миф о полном уходе из мира необходимости в царство тотальной свободы; ни то, ни другое не могло дать представление о нормальной повседневной политике.

В силу такой недемократичной и нелиберальной формулировки понятие экстраординарного полностью исчезло из теории демократии. Все изменилось в 1989 г. Начиная с этого момента повсюду — в Европейском союзе, Центральной и Восточной Европе и России, от Южной Африки до Венесуэлы и Боливии, от Афганистана и Ирака до Непала — стали происходить все более удачные попытки основания новых режимов, создания новых конституций и запуска важных политических, социальных и институциональных перемен. В теории демократии стали изучаться не только нормальная политика и ординарное законотворчество, но и экстраординарная политика, высшее законотворчество и народные движения, стремящиеся трансформировать культурное и юридическое представление политических сообществ о самих себе.

Моя задача — минуя прежние представления о революции с их проблемами и ограничениями, задать теоретические рамки

1 О двух «обстоятельствах» или «фактах» справедливости см. [Юм, 1996, с. 525–541].

для разработки нового подхода к экстраординарному, увязывая его с демократической политикой. Соответственно моя цель — перенести понятие экстраординарного в область нормативной теории демократии с радикальным уклоном. Я считаю, что внимание к экстраординарному расширяет область демократического опыта, включая в него опыт основания народного режима как необходимую тему для эмпирического исследования и аксиологического осмысления. Что мы имеем в виду, говоря, что демократическое государство должно быть основано демократическим путем? Существует ли особый демократический способ основания, специфический для демократии? Важно ли, кто именно задает рамки демократии и ее конституирует? Различаются ли между собой акты основания, принятые и приведенные во исполнение военным правительством, внешним захватчиком, теократическим духовенством, выборным президентом, представительной ассамблеей, небольшой группой специалистов по конституционному праву или какой-то иной группой активистов? Имеет ли реальное значение возможность участия народа в установлении демократического режима? А важно ли то, как происходит учреждение демократии, в тайне или в открытом, публичном, всеобщем процессе, в переговорах между элитами или в широких массовых прениях и путем мобилизации?

Уверяю вас, не один я ощущаю возвращение экстраординарного и пытаюсь заново встроить его в теорию демократии. Многие исследователи конституции уже делали такие попытки. Среди прочих Брюс Акерман, Ульрих Пройсс, Фрэнк Мишельман, Сэнфорд Левинсон и Ахиль Рид Амар начали переопределять экстраординарное как конституционную революцию [Ackerman, 1991; Ackerman, 1988; Ackerman, 1998; Ackerman, 1995; Preuss, 1995; Levinson, 1995; Amar, 1995; Michelman, 1988; Michelman, 1995, Michelman, 1996b; Michelman, 1996a; Michelman, 1998]. Впрочем, по большей части к этому вопросу подходили излишне формально, что неудивительно, так как большинство этих мыслителей юристы. Они всегда видят все через призму закона. Они исследовали только перемены в законодательстве и основных процессуальных нормах режима и не замечали других измерений экстраординарного, в частности, тех перемен, которые происходят в области символического, например, трансформации общепринятых смыслов, радикальной переориентации коллективных и индивидуальных ценностей и конструирования новых политических идентичностей. С другой стороны, попытки избежать узкоспециализированного юридического подхода приводили к другой крайности: полному отделению экстраординарного от любых правил, регламента или норм. Здесь я в первую очередь отсылаю к мощному и непреодолимому раз-

личению между правом и справедливостью, предложенному Жаком Деррида, к подрывному переосмыслению Антонио Негри конститутивной власти как прославления перманентной революции в постоянной оппозиции конституционализму, к превознесению Шелдоном Уолином агонистического *демоса* и «трансгрессивной» демократии и даже к коммунитарным призывам Роберто Унгера изничтожить юридический формализм в экстраординарной политике [Unger, 1976; Derrida, 1992; Negri, 1999; Wolin, 1989; Wolin, 1994; Wolin, 1996a; Wolin, 1996b].

Таким образом, хоть политика экстраординарного, без сомнения, и вышла из тени, она все еще остается недостаточно изученной. Несмотря на очевидную ограниченность, эти попытки все же успешно показали, что экстраординарное нельзя обходить вниманием или расценивать как тотальный революционный перелом. Скорее, его следует существенно переопределить, чтобы избежать как опасностей диктатуры и самоуправства, связанных с абсолютными разрывами, которые идут рука об руку с риском неограниченной власти, так и утопических ожиданий этичного общества, свободного от искусственности и отчуждающих эффектов учреждений и правовых, формальных механизмов волеизъявления и принятия решений. В противовес этим попыткам переосмысления экстраординарного в связи с демократией и легитимностью я предлагаю альтернативный путь.

Первым шагом к такому теоретическому подходу будет ответ на вопрос, в чем разница между нормальной и экстраординарной политикой. Традиционно нормальная политика монополизируется политической верхушкой, устойчивыми группами, бюрократическими партиями, жестким учрежденным регламентом, принципом представительства и парламентарно-избирательными процессами. Она также характеризуется политической фрагментацией и низким уровнем вовлеченности населения в процесс обсуждения общих вопросов и принятия решений. Нормальная политика, по-видимому, сводится к переговорам и сделкам между влиятельными группами и государственными официальными лицами. Коротко говоря, в ординарные времена политика, как правило, укладывается в утилитарную и государственническую модель, характеризующуюся приватизмом, деполитизацией и пассивностью граждан и властью политических элит, профессиональных бюрократов и социальных технологов.

Напротив, демократическая экстраординарная политика может быть в общем свете предварительно представлена через высокий уровень коллективной мобилизации, широкую народную поддержку фундаментальных изменений, формирование нерегулярных и неформальных публичных пространств и вне-институци-

ональных и антигосударственных движений, которые напрямую бросают вызов сложившейся расстановке сил, господствующему социально-политическому статус-кво, государственному законодательству и преобладающей системе ценностей. В эти экстраординарные моменты дремлющий народ-суверен пробуждается ото сна, чтобы заново утвердить свою исключительную власть самоопределения и самоуправления и перераспределить или изменить фундаментальные нормы, ценности и институции, которые регулируют ординарное законодательство и институализированную политику.

В экстраординарные моменты политика раскрывает двери для сознательного народного участия и внеинституциональных, спонтанных коллективных интервенций. Методы и масштабы политического действия претерпевают значительные изменения. Например, формальные, процессуальные нормы, которые регулируют нормальную, институциональную политику, дополняются неформальными, внеконституционными формами политического участия или подчиняются им с целью сократить дистанцию между управляющими и управляемыми, активными и пассивными гражданами, представителями и представляемыми. Экстраординарная политика метит или в главные конституционные проблемы, или в центральные значения социального воображаемого, культурные смыслы и вопросы экономики с целью видоизменить основные структуры общества и переозначить социальную реальность. Демократическая политика экстраординарного взывает к тем редким и необычным моментам, когда граждане, выбиваясь за рамки формальных границ институализированной политики, сознательно стремятся к преобразованию центральных политических, символических и конституционных принципов и переопределению сущности и целей сообщества.

Но почему эти моменты должны нас интересовать? В чем эмпирическое, теоретическое и нормативное значение актов основания, институциональных переломов и экстраординарной политики? Разве не более осмысленно и полезно изучать эффекты и последствия, скажем, только что составленной конституции, чем разбираться в запутанных, сложных и зачастую апокрифических вопросах истоков демократии и народных оснований?[1] Почему нас, к примеру, должно беспокоить то, что в определенных ситуациях

1 Эндрю Арато делает верное различение между ориентированными на результаты и на принципы подходами к учреждению конституции. Хотя либерализм часто принимает первый подход, второй ближе к демократической ценности самоопределения [Arato, 2000, p. 247–248].

фундаментальные политические принципы и высшие законодательные нормы не создаются демократически, а являются продуктом нормальной политики и поэтапных реформ, которые спускаются сверху и устанавливаются ординарным законотворчеством, если они влекут несомненные демократические следствия? Почему радикальные политические перемены должны быть непременно связаны с распадами и разрывами? Почему обязательное участие граждан в эти экстраординарные моменты — достоинство, а не порок? Наконец, существует ли логическая, причинно-следственная связь между демократическими истоками и демократическими результатами?[1]

В настоящем исследовании я ищу ответы на эти вопросы. Мой тезис состоит из двух частей. Я утверждаю, что значение экстраординарной политики заключается в двух ключевых факторах. Во-первых, она отвечает нуждам демократической легитимности и позволяет переосмыслить методы решения проблемы легитимации, которая неизбежно преследует нормальную политику любой конституционной, представительной демократии. Демократическая экстраординарная политика создает необходимые ресурсы, гарантирующие авторитет и стабильность политического порядка, которые будут так необходимы в последующие нормальные времена. Во-вторых, она заново вводит нормативные идеалы политической свободы и коллективной автономии в центр теории демократии. Пользуясь подходящим выражением Корнелиуса Касториадиса, экстраординарная политика — это явное и прозрачное самоучреждение общества, в ходе которого граждане в своей совокупности решают стать авторами своей судьбы, принимающими решения об основных правилах и высших нормативных значениях, которые оформят и определят их политическую и социальную жизнь [Касториадис, 2003, с. 452–457; Castoriadis, 1991, p. 72; Castoriadis, 1997]. Политика демократических оснований показывает демократические истоки основных структур общества, в то время как его фундаментальные регулятивные принципы, институции и общие ценности воспринимаются как ценный продукт коллективной практики, основанной на сознательном политическом волеизъявлении.

Итак, моя задача — переосмыслить экстраординарное измерение политики с точки зрения теории демократии. Я обращаюсь к работам трех политических мыслителей, которые, несмотря на все различия, пытались каждый по-своему переосмыслить категорию экстраординарного вне дихотомии реформы и революции

1 Этот вопрос поднимал Ганс Кельзен [Kelsen, 1945, p. 117].

ции. Без сомнения, может возникнуть множество вопросов о том, как можно соединять трех этих авторов, которые крайне мало писали друг о друге (если вообще что-то писали). Как интеллектуально связаны Вебер, Шмитт и Арендт? Можно ли найти общий знаменатель для сравнения трех этих мыслителей с абсолютно разными биографиями, политическими ценностями и философскими воззрениями? Как мы можем легитимно соединить Вебера, который, несмотря на весь его пессимизм (или благодаря ему), изложил свою версию либерального, президентского конституционализма без иллюзий; Шмитта, члена Национал-социалистической партии и известного «коронованного юриста» Третьего Рейха; и Арендт, неореспубликанку, которая по многим пунктам сильно расходится с ними обоими, например, в том, как она подчеркивает политическое значение убеждения, коллективного обсуждения и личных мнений и поддерживает противоречивую институцию народных советов?

Даже если мы оставим в стороне их разные политические убеждения, разве не рискуем мы преуменьшить другое важное различие — их мировоззрений? Рассуждения Вебера о политическом лидере, его радикальный плюрализм, сведение политики к легитимному господству и насилию, и тревога за свободу индивида в современных западных обществах не слишком перекликаются с интонацией и содержанием трудов двух других мыслителей. Шмитт был консервативным, авторитарным государственником, вдохновленным реакционной политической традицией Жозефа де Местра и Доносо Кортеса, глубоко увлеченным вопросами авторитета и единства, который одно время открыто отстаивал активную политическую роль католической церкви в противовес широко распространенному марксистскому материализму и либеральному индивидуализму и откровенно заигрывал с итальянским фашизмом. Арендт же предостерегала от сведения политической власти к силе и насилию, слияния политического с суверенитетом и волей, а также рисков возникновения диктатуры в централизованном национальном государстве. И главное — она ставила под вопрос учреждаемые отношения политического неравенства и субординации, страстно отвергая разделение между управляющими и управляемыми, которое Вебер и Шмитт принимали как неизбежный факт современной политики. И наконец, как можно отрицать тот факт, что, пока Вебер ждал великого харизматического лидера, а Шмитт говорил об абстрактной суверенной воле народа, Арендт делала ударение на перформативности речи и действия, осуществляемых в рамках самоорганизованных публичных сфер?

Возможно, из-за множества этих очевидных и существенных различий никто не проводил систематического сравнения трех этих

авторов. Все же нельзя окончательно сбрасывать со счетов некоторые занимательные сходства между ними. Например, все они немцы, на которых решающее влияние оказал опыт Веймарской республики. Все они знали, что политика — это квазинезависимое поле непредсказуемости и неопределенности. К тому же всех их одинаково интересовал расцвет современного административного, бюрократического государства. Можно обнаружить и сходный интерес к наличной ситуации и конъюнктуре, критическое отношение к парламентской представительной системе, и общий «агонистический» взгляд на политику как арену конфликта и антагонизма. Особенно важно, что труды Вебера, Шмитта и Арендт характеризуются постоянными и непрерывными усилиями по спасению политического от забвения, которому его предали ортодоксальный марксизм и экономический и моральный либерализм. Все три мыслителя стремились вернуть ему его главенствующее положение отдельной сферы человеческого опыта и независимого исследовательского поля с собственными внутренними принципами.

Учитывая эти сходства, неудивительно, что все они осознавали, что Новое время вместе с Просвещением, разумом и наукой принесло крах абсолютных оснований — крах, который в секулярную, постметафизическую эпоху делает политику трагически беспочвенной и непредсказуемой. С более широкой исторической точки зрения, несмотря на разные интеллектуальные и культурные контексты, в которых они работали, все они были активными участниками политических событий своего времени, лицом к лицу сталкиваясь с историческими затруднениями быстро меняющегося европейского общества: кризисом классического либерализма образца XIX века, постепенным включением рабочих масс в политику, консолидацией Советского Союза и возвышением новой формы социального, интервенционистского государства. Также нельзя забывать, что они сталкивались с одними теоретическими вопросами, рассуждая о напряженных и замысловатых отношениях воли и разума, этического и политического, непрерывности и разрыва, целей и средств, свободы и авторитета.

Как бы то ни было, меня интересуют их взгляды на основание и создание новых политических, символических и конституционных порядков. Я утверждаю, что теория *харизмы* Вебера, концепция *учредительной власти* Шмитта и понятие *нового начала* Арендт представляют три различные вариации одной и той же темы, а именно экстраординарного измерения политического как первоначального, учреждающего момента общества. Вебер, Шмитт и Арендт концентрировались на современных истоках, содержании и масштабах этого первоначального события. Вебер находил его в революционной природе харизмы, Шмитт — в уч-

редительной власти суверенной народной воли, а Арендт — в учредительном потенциале действия и речи. Верно, впрочем, и то, что эти общие изыскания повели их в совершенно разных направлениях и к совершенно разным дисциплинам. Социология Вебера задействовала теологический концепт, чтобы свежим взглядом посмотреть на исторический и политический опыт пророческих религиозных движений, политику основателей-вдохновителей и чарующую власть визионеров. Напротив, Шмитт в неожиданно трезвой, простой и формальной форме представил немецкой юриспруденции мятежную и повстанческую силу учредительной власти, уже проявлявшую себя в разгаре Английской гражданской войны, в жаркие дни Войны за независимость США и революционных прениях, которые сотрясали Национальное учредительное собрание Франции. С другой стороны, Арендт углубилась в историю политической философии, обратившись к древним грекам и римлянам, чтобы восстановить экстраординарный потенциал действия, который, попав под влияние «социального», стал напоминать те редкие прекрасные жемчужины, что тихо лежат на темном дне океана. Но далее, во многом как и Шмитт, она попыталась обнаружить их следы в исторических событиях, которые задавали политический характер западного мира: основаниях новых республик и рождениях новых режимов на развалинах монархических систем. Несмотря на разные пути, все три мыслителя исследовали запутанные отношения между радикальными актами основания и обыкновенной политикой в секулярную эпоху, когда с приходом масс в публичную сферу отсылки к предельным основаниям авторитета и к источнику власти, находящемуся вне общества, стали как никогда сомнительными.

Определение Вебером харизмы как экстраординарной силы символических перемен и институционально-законодательного творчества, способного порвать с ограничениями и давлением традиционализма, формального легально-рационального авторитета и бюрократического управления; присвоение Шмиттом представления Эммануэля Сийеса об учредительной власти людей как единственной демократически легитимной силе установления новых конституций и чрезвычайно важное арендтовское понимание действия как сингулярного события, которое инициирует нечто новое, ниспровергая ординарные, воспроизводящиеся структуры повседневной жизни — все это вращается вокруг одной темы: экстраординарной трансформации учрежденной реальности и подлинного самоконструирования нового порядка.

На этом этапе нужно пояснить мое прочтение трех мыслителей. Я не претендую на то, чтобы дать системное представление или ясную интерпретацию их политической теории. Мой подход крайне

выборочен и является реконструкцией. Я обращаю внимание на те аспекты их трудов, которые имеют отношение к теме экстраординарного, его связи с демократической политикой и его сохранения в рамках стабильного конституционного порядка. Бесспорно, эти авторы критически относились к либеральной демократии. Важно, что ни один из них не смог решить проблем, связанных с экстраординарным. Тем не менее сравнительное, эклектичное критическое знакомство с их работами и теориями крайне полезно, и тому есть две главные причины. Во-первых, в работах этих трех ключевых мыслителей XX века экстраординарное возникает очень ясно и наглядно, даже если их решения не всегда удовлетворительны. Во-вторых, возможно, используя части и фрагменты их работ, разработать понятие *трех путей* в демократии, которое могло бы не только значительно обогатить теорию демократии, но также и подтвердить неисчерпаемую актуальность экстраординарного для современных дискуссий в рамках политической теории. Другими словами, я надеюсь показать, что демократическая теория экстраординарного может обеспечить платформу для переосмысления комплексных и напряженных отношений между демократией и законом, народным суверенитетом и представительством, властью и конституционализмом, демократической легитимностью и либеральной легальностью.

Что касается, в частности, второй причины, я утверждаю, что теория экстраординарного дает новое понимание демократии и разрабатывает *трехуровневую* модель демократической политики. Эта модель зависит от конкретного расположения и роли экстраординарного по отношению к формальной легальной системе и институциональной политической власти. Экстраординарная политика может: 1) предварять институциональную политику, 2) поддерживать ее изнутри или же 3) у ее границ. Каждый из этих уровней в свою очередь соответствует определенному моменту демократической политики. Первый относится к экстраординарному, учредительному акту демократического основания, созданию новых символических значений, народным восстаниям и первоначальному созданию конституции — тому, что Юн Эльстер назвал «la politique politisante»[1] [Elster, 1979, p. 93]. Этот термин выражает момент возникновения новых демократических оснований и указывает на нормативное содержание политического самоопределения и коллективного самоузаконивания. Это момент легитимности (Вебер и Шмитт) и политической свободы (Арендт). Второй момент,

1 «Политизирующий момент» (*фр.*). — Прим. ред.

«la politique politisée»[1], относится к процедурной, повседневной институциональной политике или нормальному законотворчеству и стремится к сохранению, консолидации и воспроизводству учрежденной реальности самоорганизованного *демоса*, на этот раз, впрочем, включенного в самоподдерживающуюся политическую систему и опосредованного конституционными принципами, правовыми нормами и организованной государственной властью [Ibid., p. 93]. Это момент легальности (Вебер), представительства (Шмитта) и аугментации (Арендт). И наконец, третье отношение определяет политику спонтанных и непредсказуемых форм народной мобилизации и неформальных призывов к действию, которые осуществляются у границ ординарной политики, бок о бок с установленным демократическим законопорядком и лавируют «между восстанием и институциональной политической деятельностью»[2]. Отталкиваясь от теории неинституциональных харизматических движений Вебера, слабо развитых идей Шмитта о народных собраниях и фрагментарных размышлений Арендт о гражданском неповиновении и добровольных объединениях, я подхожу к третьему моменту экстраординарного с точки зрения современных теорий новых социальных движений, нерегулярной внепарламентской мобилизации снизу, стратегий народных сопротивлений и мятежей и публичной повстанческой самоорганизации[3]. Эти теории касаются тех, кто может двигаться параллельно нормальной политике, пребывая в напряжении на окраинах институционального порядка, чтобы, создавая пространства для более прямого и конфликтного коллективного участия, сохранять эффективные и спонтанные формы действия в процессе нормального принятия решений. Мой анализ этих феноменов вдохновлен формулой «неинституционального народного суверенитета» Ингеборга Мауса, которую я использую, говоря о квази- или полуэкстраординарной политике [Maus, 1992, S. 203].

Эти три измерения в совокупности освещают комплексную анатомию демократии и народного суверенитета. Моя задача — аналитически разделить три эти измерения демократического опыта, отделить их от открытых политических мотивов и целей Вебера, Шмитта и Арендт, от их относительно устаревших интеллектуальных контекстов и от их конкретных философских допущений, чтобы основательно переконфигурировать их в рамках другой те-

1 «Политизированный момент» (*фр.*). — Прим. ред.

2 Здесь я использую терминологию Коэна и Арато [Коэн и др., 2003, с. 726].

3 О концепте «новых ассоциаций и новой публичности» см. [Коэн и др., 2003, с. 544–725]. Об идее «сильной публичности» см. [Fraser, 1992, p. 134].

оретической системы. Эта реконструкция, выливаясь в построение теории демократической экстраординарной политики, может успешно продемонстрировать, что демократию и конституционализм не стоит рассматривать как две противоположности и что либерализм ошибается, присваивая наследие конституционализма исключительно себе, определяя его лишь как правление, ограниченное законом. Более того, систематическая теория экстраординарного может также указать пути переосмысления радикальной демократии, не попадая в ловушку одномерности, редуцирующей народный суверенитет до постоянной мобилизации и перманентного участия и тем самым делающей его практически нереальным в современных условиях. Прямая демократия — это не единственно возможный вариант радикальной демократии. Демократию нельзя сводить лишь к электоральным процедурам и власти большинства. Есть другие альтернативы, которые необходимо исследовать. И наконец, такая теория могла бы обеспечить пространство для переосмысления мест, ролей и масштабов различных повстанческих движений, чтобы расширить сферу демократических интервенций в ход нормальной политики с ее институциональным порядком, бюрократическим государством, вертикальными структурами властных отношений, политическим неравенством и системой партийной политики.

Библиография

Касториадис К. (2003) *Воображаемое установление сообщества,* М.: Гнозис; Логос.

Коэн Д.Л., Арато Э. (2003) *Гражданское общество и политическая теория,* М.: Весь Мир.

Локк Д. (1988) *Два трактата о правлении*. Локк Д. Соч. в 3 т. Т. 3, М.: Мысль: 135–405.

Люксембург Р. (1959) *Социальная реформа или революция,* М.: Государственное издательство политической литературы.

Маркс К., Энгельс Ф. (1955) *Манифест коммунистической партии.* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4, М.: Государственное издательство политической литературы: 419–459.

Маркс К., Энгельс Ф. (1959) *К критике политической экономии.* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13, М.: Государственное издательство политической литературы: 1–167.

Энгельс Ф. (1961) *Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, М.: Государственное издательство политической литературы: 258–259.

Юм Д. (1996) *Трактата о человеческой природе книга третья.* Соч. в 2 т. Т. 1., М.: Издательство «Мысль»: 495–655.

Ackerman B. (1988) Neo-Federalism. J. Elster, R. Slagstad (eds) *Constitutionalism and Democracy,* Cambridge: Cambridge University Press: 122–123.

Ackerman B. (1991) *We the People: Foundations*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Ackerman B. (1992) *The Future of Liberal Revolution*, New Haven: Yale University Press.

Ackerman B. (1995) Higher Lawmaking. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment*, Princeton: Princeton University Press: 63–88.

Ackerman B. (1998) *We the People: Transformations*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Amar A. R. (1995) Popular Sovereignty and Constitutional Amendment. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment*, Princeton: Princeton University Press: 89–116.

Arato A. (2000) *Civil Society, Constitution, and Legitimacy*, Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.

Castoriadis C. (1991) *Philosophy, Politics, Autonomy: Essays in Political Philosophy*, Oxford: Oxford University Press.

Castoriadis C. (1997) Radical Imagination and the Social Instituting Imaginary. D.A. Curtis (ed.) *The Castoriadis Reader*, Oxford: Blackwell Publishers: 319–337.

Derrida J. (1992) Force of Law: The 'Mystical Foundations of Authority. D.G. Carlson, D. Cornell, M. Rosenfeld (eds.) *Deconstruction and the Possibility of Justice*, New York: Routledge: 3–67.

Elster J. (1979) *Ulysses and the Sirens: Studies in Rationality and Irrationality.* Cambridge and Paris: Cambridge University Press and E´ ditions de la maison des sciences de l'homme.

Fraser N. (1992) *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy.* C. Calhoun (ed.) Habermas and the Public Sphere, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Honig B. (2003) *Democracy and the Foreigner*, Princeton: Princeton University Press.

Joas H. (1996) *The Creativity of Action*, Chicago: University of Chicago Press.

Kelsen H. (1945) *General Theory of Law and State*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Laclau E. (1996) *Emancipation(s)*, London and New York: Verso.

Lefort C. (1981) L'invention d´emocratique, Paris: Fayard.

Levinson S. (1995) How Many Times Has the United States Constitution Been Amended? (A) <26; (B) 26; (C) 27; (D) >27: Accounting for Constitutional Change. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment*, Princeton: Princeton University Press: 13–36.

Maus I. (1992) *Zur Aufklärung der Demorkratietheorie. Rechts- und Demokratietheoretische Uberlegungen im Anschluss an Kant*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Michelman F. (1988) Law's Republic. *Yale Law Journal*, (97): 1493–1537.

Michelman F. (1995) Always under the Law? *Constitutional Commentary,* 12 (2): 227–247.

Michelman F. (1996) Can Constitutional Democrats Be Legal Positivists? Or Why Constitutionalism. *Constellations*, 2 (3): 293–308.

Michelman F. (1996) How Can the People Ever Make the Laws? A Critique of Deliberative Democracy. J. Bohman, W. Rehg (eds) *Deliberative Democracy,* Cambridge, Mass.: MIT Press: 145–172.

Michelman F. (1998) Constitutional Authorship. L. Alexander (ed.) *Constitutionalism: Philosophical Foundations,* Cambridge: Cambridge University Press: 64–98.

Negri A. (1999) *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*, Minneapolis: Minnesota University Press.

Palmer R.R. (1959–1964) *The Age of the Democratic Revolution.* 2 v., Princeton: Princeton University Press.

Preuss U. (1995) *Constitutional Revolution: The Link between Constitutionalism and Progress*, Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press.

Unger R. (1976) *Law in Modern Society: Toward a Criticism of Social Theory*, New York: Free Press.

Unger R. (1987*) Social Theory: Its Situation and Its Task,* Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin S. (1989) *The Presence of the Past: Essays on the State and the Constitu*tion, Baltimore: John Hopkins University Press.

Wolin S. (1994) Norm and Form: The Constitutionalizing of Democracy. J.P. Euben, J.R. Wallach, J. Ober (eds) *Athenian Political Thought and the Reconstruction of American Democracy,* Ithaca: Cornell University Press: 29–58.

Wolin S. (1996) Fugitive Democracy. S. Benhabib (ed.) *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*, Princeton: Princeton University Press: 31–45.

Wolin S. (1996) Transgression, Equality, and Voice. J. Ober, C. Hedrick (eds) *Demokratia: A Conversation on Democracies Ancient and Modern,* Princeton: Princeton University Press: 63–90.

References

Ackerman B. (1988) Neo-Federalism. J. Elster, R. Slagstad (eds) *Constitutionalism and Democracy,* Cambridge: Cambridge University Press: 122–123.

Ackerman B. (1991) *We the People: Foundations*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Ackerman B. (1992) *The Future of Liberal Revolution,* New Haven: Yale University Press.

Ackerman B. (1995) Higher Lawmaking. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment,* Princeton: Princeton University Press: 63–88.

Ackerman B. (1998) *We the People: Transformations,* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Amar A. R. (1995) Popular Sovereignty and Constitutional Amendment. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment*, Princeton: Princeton University Press: 89–116.

Arato A. (2000) *Civil Society, Constitution, and Legitimacy,* Lanham, Md.: Rowman & Littlefield.

Castoriadis C. (1991) *Philosophy, Politics, Autonomy: Essays in Political Philosophy,* Oxford: Oxford University Press.

Castoriadis C. (1997) Radical Imagination and the Social Instituting Imaginary. D.A. Curtis (ed.) *The Castoriadis Reader*, Oxford: Blackwell Publishers: 319–337.

Castoriadis C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie soobshchestva. [The Imaginary Institution of Society],* M.: Gnozis; Logos.

Cohen J., Arato A. (1992) *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaia teoriia. [Civil Society and Political Theory],* Saint Petersburg: Publishing Ves' Mir.

Derrida J. (1992) Force of Law: The 'Mystical Foundations of Authority. D.G. Carlson, D. Cornell, M. Rosenfeld (eds.) *Deconstruction and the Possibility of Justice,* New York: Routledge: 3–67.

Elster J. (1979) *Ulysses and the Sirens: Studies in Rationality and Irrationality.* Cambridge and Paris: Cambridge University Press and E´ ditions de la maison des sciences de l'homme.

Engels F. (1961) *Predislovie k tret'emu nemetskomu izdaniiu raboty K.Marksa "Vosemnadtsatoe briumera Lui Bonaparta". [Preface to the third edition of Marx's "The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte"], Marx K., Engels F. Sochineniia. Izdanie vtoroe. T. 21. [Writings.. Vol. 21],* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury: 258–259.

Fraser N. (1992) *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy.* C. Calhoun (ed.) Habermas and the Public Sphere, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy,* Cambridge, Mass.: MIT Press.

Honig B. (2003) *Democracy and the Foreigner,* Princeton: Princeton University Press.

Hume D. (1996) *Traktata o chelovecheskoi prirode kniga tret'ia. [Hume D. A Treatise of Human Nature, Book III] Hume D. Sochineniia v 2 t. T. 1. [Writings in 2 volumes. Vol. 1.],* M.: Mysl': 495–655.

Joas H. (1996) *The Creativity of Action*, Chicago: University of Chicago Press.

Kelsen H. (1945) *General Theory of Law and State,* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Laclau E. (1996) *Emancipation(s),* London and New York: Verso.

Lefort C. (1981) L'invention d´emocratique, Paris: Fayard.

Levinson S. (1995) How Many Times Has the United States Constitution Been Amended? (A) <26; (B) 26; (C) 27; (D) >27: Accounting for Constitutional Change. S. Levinson (ed.) *Responding to Imperfection: The Theory and Practice of Constitutional Amendment*, Princeton: Princeton University Press: 13–36.

Locke J. (1988) *Dva traktata o pravlenii. [Two Treatises of Government] Locke J. Sochineniia v trekh tomakh. T. 3. [Writings in 3 volumes. Vol. 3],* M.: Mysl': 135–405.

Luxemburg R. (1959) *Sotsial'naia reforma ili revoliutsiia. [Reform or Revolution],* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Marx K., Engels F. (1959) *K kritike politicheskoi ekonomii. [A Contribution to the Critique of Political Economy] Marx K., Engels F. Sochineniia. Izdanie vtoroe. T. 13. [Writings. The second edition. Vol. 13],* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury: 1–167.

Marx K., Engels F. (1955) *Manifest kommunisticheskoi partii. [Manifesto of the Communist Party] Marx K., Engels F. Sochineniia. Izdanie vtoroe. T. 4. [Writings. The second edition. Vol. 4],* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury: 419–459.

Maus I. (1992) *Zur Aufklärung der Demorkratietheorie. Rechts- und Demokratietheoretische Uberlegungen im Anschluss an Kant,* Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Michelman F. (1988) Law's Republic. *Yale Law Journal,* (97): 1493–1537.

Michelman F. (1995) Always under the Law? *Constitutional Commentary,* 12 (2): 227–247.

Michelman F. (1996) Can Constitutional Democrats Be Legal Positivists? Or Why Constitutionalism. *Constellations*, 2 (3): 293–308.

Michelman F. (1996) How Can the People Ever Make the Laws? A Critique of Deliberative Democracy. J. Bohman, W. Rehg (eds) *Deliberative Democracy,* Cambridge, Mass.: MIT Press: 145–172.

Michelman F. (1998) Constitutional Authorship. L. Alexander (ed.) *Constitutionalism: Philosophical Foundations,* Cambridge: Cambridge University Press: 64–98.

Negri A. (1999) *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*, Minneapolis: Minnesota University Press.

Palmer R.R. (1959–1964) *The Age of the Democratic Revolution.* 2 v., Princeton: Princeton University Press.

Preuss U. (1995) *Constitutional Revolution: The Link between Constitutionalism and Progress*, Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press.

Unger R. (1976) *Law in Modern Society: Toward a Criticism of Social Theory*, New York: Free Press.

Unger R. (1987) *Social Theory: Its Situation and Its Task,* Cambridge: Cambridge University Press.

Wolin S. (1989) *The Presence of the Past: Essays on the State and the Constitu*tion, Baltimore: John Hopkins University Press.

Wolin S. (1994) Norm and Form: The Constitutionalizing of Democracy. J.P. Euben, J.R. Wallach, J. Ober (eds) *Athenian Political Thought and the Reconstruction of American Democracy,* Ithaca: Cornell University Press: 29–58.

Wolin S. (1996) Fugitive Democracy. S. Benhabib (ed.) *Democracy and Difference: Contesting the Boundaries of the Political*, Princeton: Princeton University Press: 31–45.

Wolin S. (1996) Transgression, Equality, and Voice. J. Ober, C. Hedrick (eds) *Demokratia: A Conversation on Democracies Ancient and Modern,* Princeton: Princeton University Press: 63–90.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Каливас А. (2017) Демократия и политика экстраординарного. *Социология власти*, 29 (2): 221-238.

Каливас А. (2017) Democracy and the Politics of the Extraordinary. *Sociology of power*, 29 (2): 221-238.